

Сов. Молодежь. — Рига. — 1990. — 6 февр.

Валерий Леонтьев:

УВЕЛИЧИТЬ "ЗУММУ ДОБРА"

«Сам себе создатель», — кажется, наивернейшая характеристика Валерию ЛЕОНТЬЕВУ.

— «Каждый выбирает по себе»... Когда вы начинали, был ли перед вами какой-то образчик, к которому, как к путеводной звезде, вы стремились?

— Так случилось, что я обошелся без кумиров, чьи фотографии я поставил бы в уголок и тихонько на них молился. Я слушал очень разную музыку и перенимал не какие-то индивидуальные черты, а эстетику жанра в целом. В основном собирал информацию, которая шла из-за кордона, потому что стоит лишний раз говорить, что наша поп-музыка — явление, которое возникло гораздо позже, чем вообще поп-музыка в мире. И, закладывая какие-то приемы, саму эстетику, перерабатывая эту информацию, я создавал свой собственный образ. В плане же общего образования, общей культуры в нашем жанре, к сожалению, каждый является сам себе режиссером, создателем себя и своим собственным учителем.

— В последнее время вы напрочь отказались от песен на так называемую «социальную» тему и, кроме того, сами выступили автором...

— Должен сказать, что если в годы застоя, когда существовала масса закрытых тем, я как раз лез во все это, то во времена, когда сняты все запреты, я от этого отказался. Потому что не существует, наверное, группы и певца, которые бы не ругали очереди, нет уже клипов, в которых как-нибудь не мелькнул бы кадр со сталинскими сапогами, трубой или кителем, хрущевской лысиной или брежневскими бровями. Это было поначалу смело и интересно. Сегодня это уже набило оскомину. И я не желаю петь об отсутствии мыла и стирального порошка.

Сегодня на нас обрушивается так много тревожной и противоречивой информации, что мне хочется спровоцировать человека, чтобы он заглянул внутрь себя — что хорошее в его душе может воспринять? Мне хочется, чтобы человек, выходя с моего концерта, стал чуточку добрее к своему соседу, родственнику, просто незнакомому человеку! Что же касается моего сочинительства, то это была просто «производственная необходимость», поскольку я никогда не сажусь специально на репетиционный период: все вещи, как правило, делаются в дороге. На маршруте очень трудно работать с авторами, которые в основном сидят дома. И по телефону трудно сочинять. Однако этот опыт свой я считаю неудачным, каждый должен заниматься своим делом.

— Вы работаете от Ворошиловградской филармонии,

а живете в Москве. Парадокс?

— Да, я работаю от Ворошиловградской филармонии. В Москве живу недавно, очень долго, нудно и трудно менял квартиру. Студии записи, телевидение, центральная пресса — все сосредоточено здесь. Даже живя в Ворошиловграде, появляющиеся два-три свободных дня я проводил не дома, потому что надо было то записываться, то сниматься, то решать какие-то вопросы в Госконцерте, — все делается в Москве. И поэтому жить там — удобнее.

— Сегодня остро стоят вопросы возрождения национальных культур. Валерий, какое бы место вы могли назвать своей родиной?

— У меня нет такого, потому что человек привязывается душой к какому-то географическому месту в детстве, а мне же пришлось жить год — в одном, полгода — в другом. В общем-то все мои детские годы на Севере слились в одно мелькающее размытое воспоминание. Корни у меня русские. Я знаю, что моя родина где-то здесь, вокруг. Потому что даже там, где я родился, в Коми АССР, я прожил двадцать дней. У меня нет привязанности... Есть города, в которых я люблю бывать: Киев, Ленинград. И Крым. А родного места нет. Кроме того, поп-музыка, рок-культура — это не национальные явления, это — интернациональная культура.

— Последнее время возникает множество песенных театров — А. Пугачевой, А. Розенбаума, С. Намина, частная школа И. Понаровской. У вас не появилось желания создать свой театр и взять под опеку молодых?

— Я достаточно много работаю с молодыми авторами, имена которых никому не известны или известны мало. И беру в свои программы малоизвестные группы, чтобы дать им показаться перед публикой. А строить свой собственный дом-театр, разводить бухгалтерию... Честно говоря, у меня нет такого желания. Это лишает человека творческого потенциала. Вот Пугачевой уже просто не до песен — она тащит на себе огромный воз, называемый театром песни. Я свободен от этого — и слава богу.

— Кстати, Пугачева как-то на вопрос, волнуется ли она все же перед концертом, ответила журналисту примерно следующее: «Милый мой, я уже столько раз выступала, что какие волнения?»

— Конечно, я не могу сказать, что я каждый концерт трясусь — ах, дайте мне валерианки! Этого не должно быть. Должен быть хороший, здоровый нервный

какой это артист и человек? Хотелось бы видеть более профессиональные материалы, чтобы, если хвалят, было понятно, за что, если ругают — тоже давалось компетентное обоснование. Облать — это не критика, поэтому я никогда не обращаю внимания на такие публикации. Мне не встречался еще критик, который бы объяснил мне, что я делаю плохо, а что — хорошо, и почему, и как надо.

— Как вы воспринимаете сегодняшнее время?

— Хорошо, что вообще что-то делается, чтобы изменить прежний жизненный уклад. Но у меня нет уверенности, что все идет по правильному пути. Во всяком случае, я не вижу конца этому процессу. Очень трудно и очень больно.

— Если бы вы были народным депутатом, какие проблемы стали бы решать?

— Я никогда не загадывал такого. Мне не нравится руководить, мне не нравится

тервью, я просмотрел достаточно материала и обратил внимание, что с годами исчезла ваша оптимистическая улыбка...

— У меня вообще ощущение жизни несколько драматическое: я прежде всего вижу печальное, я откликаюсь на какие-то грустные вещи. Я человек не смешливый, не веселый. Для сцены, наверное, хорошее свойство, когда за смехом видны слезы или наоборот, — это дает какую-то глубину.

— Значит, не прав был Вольтер, сказав: «Все к лучшему в этом лучшем из миров»?

— Я не уверен, что все, что ни делается — все к лучшему... Подлость, смерть никому ничего хорошего не приносили.

— Чем вам памятен ушедший год?

— Я, как правило, не могу выделить какое-то основное событие, потому что такова моя жизнь, что все давно сплелось в один пестрый ком событий, людей, встреч в мелькании дней, городов. Знаю, что было колоссальное количество работы. От нового года жду того же самого. Во-первых, весной мы должны запустить новую редакцию оперы «Джордано». Затем сделать веселый мюзикл, который написал Давид Тухманов по песне Юрия Энтина «Багдадский вор». Надо обновлять и песенную программу, потому что я много гастролирую. Если я подниму эти большие работы в девяностом году, уже будет хорошо.

— О чем бы вы хотели сказать, что до сих пор не выразили в песне?

— Так много пел, что, мне кажется, нет темы, какую бы я не затрагивал. Опять возвращаемся к самому началу разговора: хочется выносить на сцену атмосферу добра. Когда долго поешь, невольно становишься декларатором какой-то темы. И надо менять имидж, в чем-то ломать себя. Поэтому сегодня я — без темы. Я, например, не певец Афганистана, не певец, призывающий к миру, я не певец, ругающий времена застоя. Я просто выношу добрую, хорошую эмоцию. Хочу, чтобы она поселилась в зале.

— Спасибо вам за это. И, по традиции, пожелания читателям «СМ».

— Новый год наступил, я присоединяюсь ко всем добрым пожеланиям, которые вы уже услышали. А как артисту мне хочется пожелать, чтобы в новом году в каждом доме и на концертных площадках звучала та музыка, которая будет вас радовать, давать энергию и возможность жить, потому что это очень важно — откуда-то черпать энергию. Пусть мы, артисты, будем ее «источниками».

Сергей ШАПРАН.
г. Минск.

подъем. И главная задача перед концертом — сделать себе хорошее настроение и выйти таким на сцену.

— Как вы относитесь к пародиям на себя?

— Пародии, как и любой другой жанр, преподносят нам и талантливых артистов, и не очень. Пародии Пескова в «Песне-89» удачны, они сделаны с хорошим отношением к артисту, которого он пародирует. В пародии ведь главное — преподнести лучшие черты исполнителя, преподнести артиста публике таким, каким она его любит, а не наоборот — неприятное что-то вынести на публику под увеличительным стеклом. Так что хорошая пародия — хорошая реклама. Считайте, что я дважды выступил в «Песне».

— Вы как-то сетовали, что об артистах вашего жанра пишут мало...

— Нет, сегодня пишут такое количество противоречивого!.. В ленинградской «Смене» вот было опубликовано сообщение, что я обмениваю квартиру с Вилли Токаревым и уезжаю в Нью-Йорк!.. Я жаловался на то, что пишут много и стандартно, и, прочитав такие публикации, нельзя составить себе представление — Леонтьев,

задавать людям задачи, ставить перед ними программы: я не работодатель, по своей природе я — исполнитель... В искусстве же главная проблема — нищета театральных деятелей, основной массы неизвестных авторов, жизненная неустроенность, отсутствие жилищности, нормальной работы. Хотя эта проблема касается всего народа. Низкий жизненный уровень — самая большая беда. Наша культура и духовность находятся в таком плачевном состоянии... Надо пробуждать в человеке то доброе, хорошее, что в нем вообще существует, заложено с детства. Может быть, в этом спасение... Может быть, спасение в вере? Состояние тревожное.

— Что вы подразумеваете под верой?

— Я, разумеется, имею в виду не дедушку с бородкой — Бога, который сидит на тучке и машет пальчиком: «Ох, вы у меня смотрите, ведите себя хорошо!». Существует какая-то сумма добра и сумма зла. И надо, очевидно, жить так каждому человеку, чтобы увеличивать сумму добра, чтобы делать как можно меньше злых дел.

— Готовясь к этому ин-